

МОСКВА БУЛГАКОВСКАЯ

К 130-ЛЕТИЮ АВТОРА РОМАНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Всё, что вы прочтёте ниже, не может (а главное, не хочет) быть использовано в целях диффамации русского мира, русской истории, русской литературы. С огромнейшим пиететом отношусь я к памяти великого русского художника слова Михаила Афанасьевича Булгакова. При этом отдаю себе отчёт в том, что некоторые мои суждения и ракурсы могут выходить за рамки елейно-юбилейного жанра.

Современные писатели давно ведь ничего не пишут, но исключительно "набивают" тексты, нежно пощёлкивая подушками пальцев по светящимся кнопкам сенсорных клавиатур... Как же правильно именовать нас теперь — набивалы или щелкоknопы?

Рукописи, может, и вправду не горят, а вот микросхемы — ещё как! Цифровая эпоха вот-вот прикончит жанр художественной прозы, даст дорогу новым формам существования языка в культуре, новым способом трансляции образов. Пока этого не произошло, у нас есть возможность радостно поплескаться в золочёной купели отечественной словесности и сделать вид, что ничего особенного и не случилось. Для нас, тоскующих детей XX века, писатели навсегда останутся "властителями дум" и "инженерами душ", а литература — священной сокровищницей, источником знания и вдохновения.

В МОЕЙ РАННЕЙ ЮНОСТИ, в советском пионерском детстве "запрещённой" называли не контрабандные хамон с пармезаном, а книги, не изданные в СССР. Чтение этих книг (в виде так называемых "самиздата" и "тамиздата") порождало волнующее чувство собственной исключительности, причастности к сокровенному знанию. В прошлые века избранные адепты читали запрещённые церковью алхимические трактаты, а молодые советские интеллигенты впились ногами в распечатки и кероски (не рекомендованных к прочтению) художественных произведений. Книжки, которые навязывала школа, пропагандировала советская пресса, — казались порою обидными, пошлыми и казёнными, а всё живое, волшебное, глубокое тайлось в заветных свитках — стопках неофициальных изданий.

Вероятно, этот специфический контекст сформировал и мои литературные пристрастия. Набоков, Булгаков и Платонов стали священными авторами, духовными покровителями, секретными собеседниками. Позже, когда "проробы перестройки" отодвинули тяжёлые задвижки советской цензуры, вокруг этих имён возник вихрь массового интереса, медийный бум, вал обсуждений и публикаций. Но что-то было утрачено в этом гуле...

Шли годы. Ажиотаж утих. Вдумчивое, медленное чтение классиков снова превратилось в занятие для избранных. Однако вернуться к катакомбной религиозности в восприятии литературных текстов, увы, уже не получится.

Да, "Мастер и Маргарита" Булгакова — безусловный шедевр, часть золотого фонда нашей великой литературы. При этом сменю предположить, что позднесоветское двадцатилетие (1967–1987 гг.) — это время подлинного акме этого романа. Как известно, он был опубликован сначала в журнале "Москва", потом — небольшими, по советским меркам, тиражами в разных издательствах. Так сошлись звёзды (и не только они), что именно в этот период сей "закатный" роман Михаила Булгакова — выстрелил! Причём прямо в висок многим и многим представителям образованного слоя. А в СССР этот слой был просто гигантским. Культ литературы, увлечение чтением, погоня

за книгами — это характерный признак возникшей к тому времени "советской нации".

Нация возникла, но реактор Красной идеи медленно остывал. Советский строй потерял динамику, а затем — проиграл "лунную гонку". Среди этих прощальных рубиновых отсветов, среди наступающих холодных сумерек страны особенно ярко и волшебно блистал, исполненный мистики и острой социальной сатиры, таинственный текст мёртвого писателя.

Любопытно, что упоминаемая мною троица — Набоков, Булгаков и Платонов — знаменует собой три разных вектора развития русского языка. Этот замечательный треугольник антагонистически устойчив. Как и во всяком треугольнике, каждая из вершин соседствует и противостоит другой...

Революция 1917 года подняла из глубин живой народный язык, распечатала уста рабоче-крестьянским массам — тем, кто не читал Бунина и вовсе не ценил его изыски. То был язык широких слоёв населения, язык социальных низов. Именно этот огненную, пламенеющую стихию укрощал и приручал в своей насыщенной прозе Андрей Платонов, превратив её затем в художественный стиль, в литературный канон.

Владимир Набоков в 1919 году вывез свой дворянский языковой строй за пределы Родины и пестовал его до конца жизни в условиях, близких к лабораторным. Конечно, Набоков читал кое-кого из советских авторов, конечно, он был связан с говорящей на русском эмигрантской средой, но в целом его языковой мир герметически запечатан и воспроизводит, всё более истончаясь, языковую матрицу XIX века.

Михаил Булгаков со своим дворянским литературным языком, наследуя той же, что и Набоков, литературной традиции, варился при этом в густом советском бульоне, усваивал элементы нового языка, взаимодействовал и соприкасался с его носителями.

В середине 1930-х годов Сталин сделал ставку на дворянский язык, на язык классической русской литературы. И понятно, почему... Большинство важных для государства книг — учебников, научных трактатов и технических справочников — написаны были русскими дворянами на языке русских дворян. Новый народно-революционный язык так и не был сформирован.

рован, в нём наблюдались опасные разнотечения, а времени, как всегда, было в обрез.

Таким образом, красный, но "вредный" Платонов был задвинут властью в тёмный угол, а сахарно-белый Булгаков, сам того не желая, стал прародителем эталонного советского литературного языка, утвердившегося как раз-таки в 1970-е годы.

СУДЬБА ЛЮБОГО ЧЕЛОВЕКА полна тайн и превращений. При этом мировоззрение художника, его внутренний мир, опрокидывание житейского опыта в область искусства — это отдельная глубокая тема, дающая широкий простор для предположений, фантазий и интуиций.

Другое дело — формальная биография, изученная, в случае Булгакова, вдоль и поперёк. В ней уже мало тайн и "белых пятен". Однако жизненную стезю сего литератора можно назвать удивительной благодаря двум уникальным обстоятельствам.

Первый момент — это то, что Булгаков, успевший во время Гражданской войны послужить в отделе пропаганды в армии Деникина, был признан советским писателем в статусе "официального белогвардейца". И это в период жесточайшей внутриполитической борьбы в СССР!

Второе обстоятельство заключается в пристальном внимании и бережном отношении к его персоне со стороны руководства страны, генерального секретаря ЦК ВКП(б) Иосифа Сталина.

Первое обстоятельство вполне можно объяснить желанием властей продемонстрировать "цветущую сложность" и многообразие советской культуры. Сегодняшняя российская власть тоже, кстати, предпочитает поддерживать баланс и "крутить карусель" из либералов, державных патриотов и коммунистов — основных идейно-эстетических наследников Набокова, Булгакова и Платонова...

Второй момент всегда можно списать на личные литературные симпатии вождя, однако, на мой взгляд, дело в другом.

С начала 1930-х годов советская власть стала стремительно национализироваться, "праветь". Тогда это заметили даже люди типа Сергея Дмитриевского (этот белгий советский дипломат опубликовал за границей восторженное национал-большевистское эссе "Сталин"). В наши годы на эту же тему написана обширная монография историка Алексея Коженикова "Русский патриотизм и советский социализм".

Процесс стремительной трансформации советского строя затронул сферы языка, живописи и архитектуры. Всё это прекрасно разобрано в книге искусствоведа Владимира Паперного "Культура Два". Процесс этот был широк, многомерен и во многом стихийен. Как известно, Сталин способен был генерировать новые идеи, предлагать неожиданные и точные решения в области культуры и государственного строительства. Однако он, как и все советские люди, находился внутри этой громадной трансформации, а не над ней.

В этот период колоссальная русская крестьянская масса хлынула в города, пошла учиться, заняла командные посты в партии, армии и промышленности. Для русского крестьянина узнаваемые черты дворянского быта всегда были неотъемлемым признаком материального достатка и жизненного благополучия. Образ усадьбы помещика — с колоннами, хрустальными люстрами и расписными плафонами — лёг в основу неоклассицизма, так называемого сталинского ампира.

Думаю, что Сталин остро чувствовал этот сдвиг. Осмысливал его и исследовал. Возможно, на некоторые свои внутренние вопросы Сталин находил ответы, сидя в правительственной ложе МХАТа во время просмотра пьесы "Дни Турбиных".

ЯСНО, ЧТО БУЛГАКОВ был и оставался вплоть до самой смерти лютым антисоветчиком и изрядным снобом. Повести "Роковые яйца" и "Собачье сердце" — жесточайшая сатира на советский строй, да и не только... В основе этих произведений — одна и та же схема: умные и образованные профессора затевают дикий научный эксперимент, который заканчивается в одном случае ужаснейшим скандалом, в другом — катастрофой. В "Роковых яйцах" описание профессора Персикова напрямую отсылает к узнаваемому образу Владимира Ульянова-Ленина. Милейший профессор изобретает "луч жизни", который вместо всеобщих счастья и достатка провоцирует взрывное размножение чудовищных рептилий: "Конная армия под Можайском, потерявшая три четверти своего состава, начала изнемогать, и газовые эскадрильи не могли остановить движения мерзких пресмыкающихся, полукольцом заходивших с запада, юго-запада и юга по направлению к Москве".

В следующем отрывке обратите внимание на даты: "В ночь с 19-го на 20-е августа 1928 года упал неслыханный, никем из старожилов никогда ещё не отмеченный, мороз. Он пришёл и продержался двое суток, достигнув 18 градусов. Остервеневшая Москва заперла все окна, все двери. Только к концу третьих суток поняло население, что мороз спас столпили и те безграничные пространства, которыми она владела и на которые упала страшная беда 28-го года".

В "Собачьем сердце" профессор Преображенский для своих опытов использует часть мозга убитого в пьяной драке уголовника и маргинала Клима Чугункина, человека с "ворошиловским" именем и почти "сталинской" фамилией. Этот персонаж отличался редкостным негодяйством и пением матерных частушек под балалайку. Исследователи отмечали: "В литературе это, наверное, единственный пример высмеивания старинного народного инструмента".

В этой повести как нельзя более ярко сквозит характерное для Булгакова презрение и даже ненависть к представителям низших, необразованных классов, получивших в одночасье небывалые права и возможности. Видимо, в период революции и сра-

зу после неё молодой киевский интеллигент испытал тяжелейшую фрустрацию: прословутый "тегемон" на каждом шагу "качал свои права" и при любой возможности утверждался на ярком представителе "старого мира". Эта "постреволюционная" травма скажется на всех произведениях автора.

На фоне многочисленных апологетических текстов, посвящённых творчеству Булгакова, выделяются два любопытных исследования, написанные выразителями противоположных идейных течений.

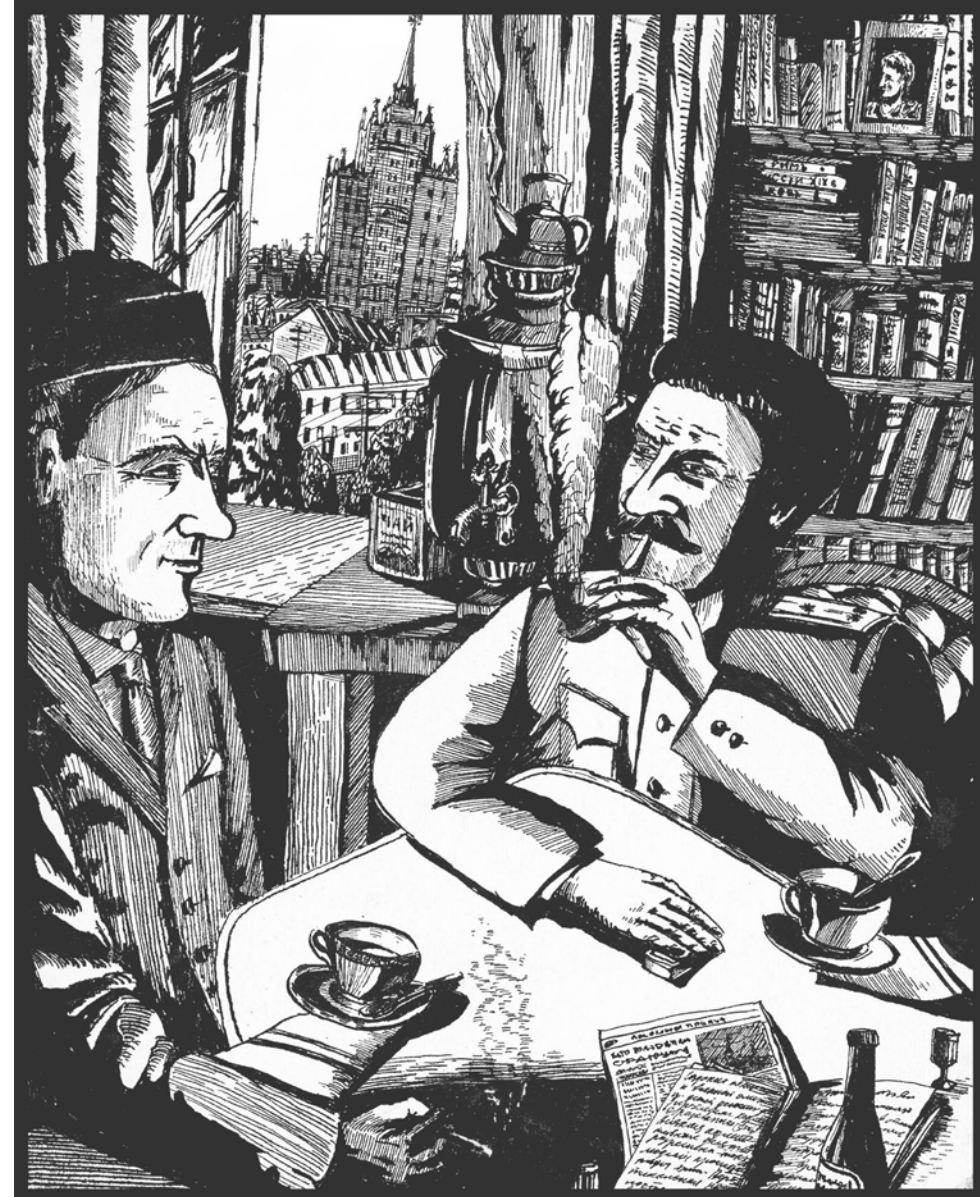
Питерский критик, агрессивный либерал Михаил Золотоносов считает, что "Мастер и Маргарита" и прочие литературные произведения Булгакова заманированы антисемитизмом.

Курский писатель-традиционалист Борис Агеев подходит к главному произведению Булгакова с точки зрения христианской ортодоксии, указывает на странности и нестыковки сюжета. По сути, обличает писателя в сатанизме: "Долго ещё в моём воображении оставался незыблемым светлый образ честного русского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова, автора "Белой гвардии", "Собачьего сердца", "Роковых яиц". И любые попытки нападения на его память казались мне несправедливыми и недостойными. И хотелось ответить этим ничтожным бумагомаракам и завистливым клеветникам, что однажды и попытался сделать, призвав на помощь самого твёрдого и последовательного помощника — механический карандаш с тонким острым грифелем. И прошёлся с ним по страницам этого самого выдающегося, по мнению многих знатоков, произведения Михаила Булгакова. И что же? К концу путешествия я, в отличие от своего безразличного помощника, испытал гамму чувств: сперва озадаченность, потом растерянность, чувство обиды и даже оскорблённости, и, наконец, сильнейшее разочарование. Я не только не обнаружил в романе "опор" для оправдания светлейшего имени Михаила Булгакова, но набрёл на ясные указания на то, что он написал совершенно не тот роман, который мы все читали".

При всех этих больших и больных вопросах, при всех разнотечениях и абберациях, связанных с проявлением "эффекта наблюдателя", невзирая на сегодняшнюю, по-прежнему сложную и противоречивую идеологический контекст, влияющий на восприятие творческого наследия Булгакова, останется наслаждение литературной составляющей: динамикой текста и чудесным, ярким и прозрачным русским языком. Но существует ещё один важный феномен, который подхватил посмертную славу Михаила Булгакова и несёт её в далёкое будущее. Имя этому феномену — булгаковская Москва, которая навеки связана с образом столь талантливо воспеваемого её мастера.

Андрей ФЕФЕЛОВ

Иллюстрации: рисунок Андрея Фефелова конца 1980-х годов («Иная Москва», «Булгаков и Сталин пьют чай»)

Литературная РОССИЯ В ОПАСНОСТИ!

ПО НАШЕЙ ИНФОРМАЦИИ, 14 мая может состояться акт принудительного выселения редакции газеты "Литературная Россия" из занимаемых ею помещений на Цветном бульваре. Ранее, по иску Департамента городского имущества города Москвы столичный Арбитражный суд вынес соответствующее решение.

Формально, оно было вынесено в связи с задолженностью по аренде помещений, которые являются собственностью города Москвы. Однако, есть информация, что не всё так просто, и дело, скорее всего, — политическое.

Есть несколько веских доводов в пользу этой версии. Во-первых, несколько лет назад Правительство Москвы приняло постановление, согласно которому сразу нескольким литературным изданиям были предоставлены их редакционные помещения в безвозмездную аренду сроком на десять лет. "Литературная Россия" вместо такой помощи уже тогда получала одни только угрозы и туманы.

Во-вторых, сама предистория вопроса. Тяжба "ЛР" с Департаментом городского имущества города Москвы длится уже пять лет. Отобрав помещения на Цветном бульваре чиновники пытались под разными предлогами. Называли в качестве причин и включение в программу повышения инвестиционной привлекательности столицы, и капитальный ремонт, и даже однажды передали помещения редакции в ведение Преображенского рынка...

В конце концов, Департамент горимущества добился своего. При очень странных обстоятельствах была выставлена задолженность по аренде в размере около трёх миллионов рублей. Естественно, у газеты, зарегистрированной как некоммерческая организация и занимающейся просветительской деятельностью, выживающей всё это время за счёт субсидий, таких денег не оказалось. Суд постановил: выселить за неуплату долга, а также погасить задолженность в размере трёх с небольшим миллионов рублей.

Что такое три миллиона рублей? Для писательской газеты — огромная сумма. А, например, для задержанного недавно высокопоставленного столичного чиновника Леонида Костромы — размер первого коррупционного транша и то превышает эту сумму (по данным РИА Новости в деле фигурируют взятки на 22,5 миллиона рублей, а первый транш составил 5 миллионов).

Редакция "ЛР" не оперирует такими суммами и поэтому, чтобы исполнить решение суда, объявила народный сбор средств. Неравнодушные читатели, писатели и общественные деятели сразу же отозвались на призыв авторитетного издания. На данный момент всем миром удалось собрать около миллиона рублей.

Третий момент. За редакцию вступилось несколько депутатов Государственной Думы, однако, их воззвания не возымели эффекта. Поначалу официальные ответы московской власти можно было трактовать двояко. С одной стороны, они заявляли, что нужно исполнять решение суда, с другой стороны — вроде бы обещали после этого "рассматривать вопрос".

Однако теперь выясняется — всё это фикция и дымовая завеса. Как нам сообщили, решение — однозначное и бесповоротное — принято в ближнем окружении градоначальника. Якобы решено всеми способами попытаться уничтожить издание, которое смеет печатать нелюбимые материалы о московских чиновниках разного уровня.

Всё это говорит об одном — принудительное выселение редакции "ЛР" из занимаемых ею помещений — дело политически мотивированное. Речь скорее идёт не об "экономическом споре", а о самой настоящей цензуре. Опасаясь любой критики и стараясь уничтожить всякое инакомыслие, московское чиновничество цинично уничтожает одно из старейших и авторитетнейших литературных изданий, нанося серьёзный урон всей современной русской литературе и культуре.

18 АПРЕЛЯ — 31 ДЕКАБРЯ 2021

ВЫСТАВКА

МИХАИЛ БУЛГАКОВ В ДОМЕ НИРНЗЕЕ

БОЛЬШОЙ ГНЕЗДИКОВСКИЙ ПЕРУЛОК, 10
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ"

ГРАФИК РАБОТЫ ВЫСТАВКИ:
ПОНЕДЕЛЬНИК
СРЕДА
ПЯТНИЦА
С 13:30
ДО 21:00

АНТИКВАРНЫЙ НЕБОСКРЁБ

ВЫСТАВКА "Михаил Булгаков в доме Нирнзее", подготовленная Музеем М.А. Булгакова совместно с журналом "Вопросы литературы", раскрывает о Москве глазами Булгакова-корреспондента, его московских литературных знакомствах в кружках и редакциях, а также о 1929 году — переломном в жизни писателя, когда его пьесы попадают под запрет.

"Первый московский небоскрёб" — десятиэтажный доходный дом Эрнста-Рихарда Нирнзее был построен в 1912–1913 годах. В разное время здесь располагались театр "Летучая мышь" Никиты Фёдоровича Балиева, кинотеатр "Крыша", съёмочная площадка кинофирмы "Чайка", кафе, многочисленные конторы и знаменитая смотровая площадка. После революции он стал Четвёртым домом Моссовета.

Дом Нирнзее сыграл особую роль в жизни и творчестве Михаила Булгакова. В 1922 году здесь открылась редакция московского бюро берлинской газеты "Накануне" — на страницах издания неоднократно публиковались булгаковские рассказы и очерки, во многих из которых отразилась советская действительность начала 1920-х годов глазами Булгакова-корреспондента. В доме Нирнзее также располагалась редакция журнала "Россия", где частично были напечатаны булгаковские "Записки на манжетах" и роман "Белая гвардия". В 1929 году в этом доме писатель познакомился с Еленой Сергеевной Шиловой — своей будущей третьей женой.

Дом был запечатлён в булгаковских очерках о Москве, на его крыше разворачивались события повести "Дьяволиада", а сам Большой Гнездиковский перулок стал местом встречи главных героев романа "Мастер и Маргарита".

Ссылка для регистрации на выставку: <https://voprosy-literatury.timepad.ru/event/1613382/>

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-21212 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газет-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.
E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/>
Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 22 200

Заказ № 3467-2021

Дата выхода в свет — 12.05.2021 г. Подписано в печать 11.05.2021 г. в 15.00, по графику — в 15.00

Главный редактор
Александр ПРОХАНОВ